

Научная статья. Политические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-048-066

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ИНОСТРАННОГО ЛОББИЗМА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Гайк Валерьевич ГРИГОРЬЯН¹

¹ИМЭМО РАН, Москва, Россия,

GrigoryanHV@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0000-2857-4581>

Аннотация: Статья посвящена анализу механизмов и практик иностранного лоббизма в энергетическом секторе стран Юго-Восточной Азии, где рост спроса на энергоресурсы сочетается с усилением тенденций «ресурсного национализма». Используя институциональный подход и концепцию ресурсного национализма, автор рассматривает широкий спектр инструментов внешнего влияния — от участия в отраслевых ассоциациях, экспертных советах и государственно-частных партнерствах (ГЧП) до неформальных каналов, включая личные связи, феномен «вращающихся дверей» и финансирование политической деятельности. В сравнительной перспективе выделяются три модели лоббистского воздействия: американская (институционализация и рыночные реформы, поддержка частного капитала, продвижение ESG-повестки), китайская (связанные кредиты, инфраструктурная экспансия, технологическая стандартизация и «мягкая сила») и французская (нишевые высокотехнологичные проекты и «зелёная дипломатия»). На примере Индонезии, Вьетнама, Таиланда, Филиппин, Камбоджи и Лаоса показано, что эффективность внешнего лоббизма определяется институциональной конфигурацией государств, уровнем политической централизации и степенью влияния гражданского общества.

Ключевые слова: энергетическая политика, Юго-Восточная Азия, Китай, США, Франция, лоббизм, ресурсный национализм, энергетическая безопасность, международная конкуренция

Для цитирования: Григорьян Г.В. Механизмы и практики иностранного лоббизма в энергетическом секторе Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 4, № 4 (69). С. 48–66. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-048-066

Original article. Political science

MECHANISMS AND PRACTICES OF FOREIGN LOBBYING IN THE ENERGY SECTOR OF SOUTHEAST ASIA

Hayk V. GRIGORYAN ¹

¹ IMEMO RAS, Russia, Moscow,

GrigoryanHV@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0000-2857-4581>

Abstract: The article examines the mechanisms and practices of foreign lobbying in the energy sector of Southeast Asian countries, where growing energy demand intersects with the strengthening of “resource nationalism.” Drawing on the institutional approach and the concept of resource nationalism, the study analyzes a broad range of external influence tools — from participation in industry associations, expert councils, and public–private partnerships (PPPs) to informal channels, including personal networks, the “revolving door” phenomenon, and political campaign financing. In a comparative perspective, three models of lobbying are identified: the American (institutionalization and market reforms, private capital support, promotion of ESG agenda), the Chinese (tied loans, infrastructure expansion, technological standardization, and soft power), and the French (niche high-tech projects and “green diplomacy”). Using case studies of Indonesia, Vietnam, Thailand, the Philippines, Cambodia, and Laos, the article demonstrates that the effectiveness of foreign lobbying depends on the institutional configuration of states, the degree of political centralization, and the strength of civil society.

Keywords: *energy policy, Southeast Asia, China, USA, France, lobbying, resource nationalism, energy security, international competition*

For citation: Grigoryan H.V. Mechanisms and Practices of Foreign Lobbying in the Energy Sector of Southeast Asia. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T. 4, № 4 (69). Pp. 48–66. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-048-066

За последние два десятилетия энергетический сектор Юго-Восточной Азии (ЮВА) превратился в стратегическую арену конкурентной борьбы между национальными и внешними акторами. Быстрый рост экономики и индустриализация стран региона сопровождаются устойчивым увеличением спроса на энергоресурсы, что делает эту сферу одним из наиболее привлекательных направлений для иностранных инвестиций.

Согласно оценкам Международного энергетического агентства (IEA), к 2040 г. совокупное энергопотребление стран АСЕАН может вырасти более чем на 60% по сравнению с уровнем 2020 г.¹ Такая динамика обуславливает рост интереса транснациональных корпораций и ведущих мировых держав к рынкам стран ЮВА, а также формирование многоуровневого инструментария оказания влияния на энергетическую политику принимающих государств.

В отличие от западных демократий, где лоббизм в значительной степени институционализирован и регулируется правовыми нормами, в странах ЮВА он реализуется в гибридных формах, сочетающих формальные и неформальные практики. Формальные механизмы включают участие в отраслевых ассоциациях, консультативных органах, государственно-частных партнерствах и межправительственных рабочих группах. В свою очередь неформальные каналы основаны на личных связях, клиентелистских отношениях, коррупционных практиках, а также таких явлениях, как «вращающиеся двери»^а.

Феномен лоббизма в энергетической политике стран ЮВА представляет собой сложное и многослойное явление, в котором пересекаются институциональные и теневые механизмы. Его специфика обусловлена как особенностями политических режимов, от однопартийных и авторитарных моделей (Вьетнам, Лаос, Мьянма) до более плюралистичных систем (Индонезия, Филиппины, Малайзия), так и культурно-историческими традициями, где персонализированная политика и «патронажные сети» играют определяющую роль.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ ключевых механизмов и практик иностранного лоббизма в энергетическом секторе ЮВА, а также проведение сравнительного анализа стратегий трех ведущих внешних акторов — США, Китая и Франции. Рассмотрение их подходов позволяет оценить эффективность применяемых инструментов, а также выявить пределы лоббистского воздействия в условиях усиливающегося «ресурсного национализма» и давления со стороны гражданского общества.

Энергетический сектор стран ЮВА отличается стратегической значимостью и высокой ресурсной «насыщенностью», что делает его одной из наиболее чувствительных сфер для внешнего давления. Лоббистская деятельность здесь реализуется через широкий спектр ин-

^а Понятие широко используется в политической науке и обозначает систему, при которой бывшие государственные служащие переходят на работу в корпоративный сектор (или наоборот), что обеспечивает компаниям доступ к политическому влиянию и внутренней информации

струментов, которые условно можно разделить на институциональные (формализованные, публичные) и неформальные (теневые, основанные на личных связях и неофициальных договоренностях).

К институциональным каналам лоббистского воздействия относятся официально допустимые формы взаимодействия бизнеса и государства: участие в отраслевых ассоциациях, экспертных советах, государственных комиссиях, а также заключение соглашений в формате государственно-частного партнерства (ГЧП). Эти инструменты позволяют иностранным компаниям легитимировать собственные интересы и встроить их в систему национальной энергетической политики.

Показательным примером является деятельность Индонезийской нефтегазовой ассоциации (*Indonesian Petroleum Association, IPA*), где представлены как национальные корпорации (*Pertamina, Medco Energi*), так и крупные транснациональные компании (*Chevron, ExxonMobil*). Через данную ассоциацию формируется коллективная позиция участников рынка по вопросам налогообложения, лицензирования и реформирования регуляторных механизмов. В 2022–2023 гг. *IPA* активно лоббировала введение налоговых льгот для иностранных инвесторов, что в итоге было частично учтено в обновленной энергетической политике страны. Согласно данным аналитической платформы *InfluenceMap*, в 2022 г. *IPA* официально выступила с предложениями о реформировании фискальной политики в пользу иностранных инвесторов, а в 2023 г. с инициативами по введению новых субсидий на ископаемое топливо².

Аналогичные институциональные формы присутствуют и в других странах региона. Во Вьетнаме иностранные корпорации получают доступ к процессу формирования нормативной базы через участие в закрытых совещаниях Министерства промышленности и торговли и государственной корпорации *PetroVietnam*. В условиях отсутствия прозрачных парламентских процедур подобные совещания фактически заменяют формализованный лоббизм.

Одним из важнейших инструментов лоббистской деятельности остается прямой диалог с представителями исполнительной власти. В странах с авторитарными и гибридными режимами (Вьетнам, Лаос, Мьянма) именно личные связи с партийной и военной элитой часто определяют исход энергетических проектов.

Характерным примером является проект разработки газового месторождения *Ca Voi Xanh* (Голубой кит) во Вьетнаме, реализуемый корпорацией *ExxonMobil* совместно с *PetroVietnam*. Несмотря на высокую стратегическую значимость и оценочную стоимость проекта в

размере около 10 млрд долл., его запуск неоднократно откладывался правительством. Эксперты отмечают, что вьетнамские власти сознательно использовали задержку в качестве инструмента давления на инвестора с целью улучшения условий соглашения и увеличения доли национальной выгоды³.

В Мьянме китайские корпорации *CNPC* (Китайская национальная нефтегазовая корпорация) и *Sinopec* еще с 1990-х гг. поддерживают устойчивые связи с военной хунтой, что позволило им заключить контракт на проект газопровода *Shwe Gas* (Шве Газ) без участия западных конкурентов⁴.

В государствах с высоким уровнем расходов на избирательные кампании (например, Индонезия, Филиппины) энергетические компании нередко становятся спонсорами политической активности. Например, в Индонезии исследование организации *JATAM* (Сеть по защите прав в горнодобывающем секторе) зафиксировало рост числа лицензий на добычу угля после выборов региональных глав в округах Кутай-Картанегара (Восточный Калимантан) и Муси-Баньюасин (Южная Суматра) в 2010 г. На национальном уровне ведущие угольные компании, такие как *PT Adaro Energy* и *PT Kaltim Prima Coal*, активно участвовали в финансировании избирательных кампаний, включая президентские выборы 2019 г. Их экономическая мощь постепенно трансформировалась в политическое влияние, закрепив модель так называемого «ресурсного лоббизма»⁵.

Коррупционная составляющая все еще остается заметным элементом региональной политико-экономической среды. Одним из наиболее известных случаев стало расследование проекта угольной электростанции *Riau-1* в Индонезии. В 2018 г. Национальная комиссия по борьбе с коррупцией (*Komisi Pemberantasan Korupsi, KPK*) установила факт передачи взятки депутату парламента Эни Маулани Сарагих в размере около 338 тыс. долл. Средства поступили от представителя консорциума, включавшего индонезийскую компанию *BlackGold Natural Resources* и китайскую государственную корпорацию *China Huadian Engineering*. Впоследствии проект был заморожен, а его ключевые фигуранты подверглись уголовному преследованию⁶.

Иностранные компании нередко действуют через национальные корпорации и посредников, обладающих тесными связями с органами власти и встроенностью в местные элиты. Такая стратегия позволяет обходить формальные барьеры, минимизировать политические риски и одновременно придает деятельности транснациональных корпораций легитимность. В странах ЮВА широко все чаще применяется ин-

струмент корпоративной социальной ответственности (КСО), который выступает в качестве формы «мягкого лоббизма». Реализуя проекты в области образования, здравоохранения и экологии, компании укрепляют доверие со стороны местных сообществ и властей, снижая вероятность протестов и политических конфликтов.

Так, *Shell Philippines* через фонд *Pilipinas Shell Foundation* финансирует образовательные и медицинские программы в регионах добычи, что способствует формированию позитивного общественного восприятия компании⁷. Наряду с этим активно используются медиастратегии. В 2016–2017 гг. коалиция международных энергетических компаний в Индонезии инициировала кампанию в СМИ, направленную на продвижение реформ законодательства о нефти и газе. Это способствовало формированию общественной дискуссии и оказало влияние на позицию парламента и профильных министерств.

Сравнительный анализ лоббистских практик США, Китая и Франции в энергетическом секторе Юго-Восточной Азии

Энергетический сектор ЮВА остается ключевой сферой национальной безопасности и экономического развития государств региона. Именно здесь конкуренция ведущих мировых держав приобретает особую остроту: контроль над энергетическими активами обеспечивает не только экономическую выгоду, но и долгосрочное политическое влияние. Среди внешних акторов особенно заметны США, Китай и Франция, которые представляют три различные модели лоббистского воздействия — институционально-либеральную, государственно-капиталистическую и дипломатическую. Их стратегии отличаются по масштабу ресурсов, инструментарию и степени институциональной вовлеченности, однако каждая из них формирует устойчивое внешнее влияние на политику стран ЮВА.

США опираются на наиболее институционализированный подход, в основе которого лежат формализованные механизмы экономической дипломатии и широкое вовлечение частного сектора. Центральное место занимают двусторонние и многосторонние инициативы — *TIFA (U.S.-ASEAN Trade and Investment Framework Arrangement)*, программа *Asia EDGE (Enhancing Development and Growth through Energy)* и ее «зеленое» продолжение *Clean EDGE Asia*. Через данные форматы продвигаются рыночные реформы, либерализация электроэнергетики и внедрение экологических и социальных стандартов.

Особое значение придается деятельности американских корпораций (*ExxonMobil*, *Chevron* и *AES Corporation*), которые реализуют проекты в сфере газовой и возобновляемой генерации. Их деятельность в основном поддерживается государственными структурами: Госдепартаментом США, Экспортно-импортным банком США (*EXIM Bank*) и Корпорацией по финансированию международного развития (*DFC*).

Наряду с экономическими механизмами важную роль играет экспертное сопровождение. Крупные аналитические центры (*CSIS*, *Brookings Institution*, *Atlantic Council*) и американские торгово-промышленные палаты (в частности, *AmCham Vietnam*, *AmCham Philippines*) формируют дискурсивное поле, продвигая риторику прозрачности, свободной конкуренции и верховенства права. Таким образом, американский лоббизм в регионе строится на сочетании частных инвестиций, институциональных реформ и ценностно-нормативной аргументации.

Китай в свою очередь реализует модель государственного капитализма, при которой крупнейшие корпорации как *CNPC* (Китайская национальная нефтегазовая корпорация), *Sinopec* (Китайская нефтехимическая корпорация), *CNOOC* (Китайская национальная оффшорная нефтегазовая корпорация) и *State Grid Corporation of China* (Государственная сетевая корпорация Китая) выступают одновременно как бизнес-акторы и как инструменты внешнеполитической стратегии. Их деятельность координируется через Государственный комитет по развитию и реформам (*NDRC*) и Комитет по управлению государственными активами (*SASAC*), что обеспечивает синергию политических и экономических целей.

Ключевым инструментом китайского лоббизма остаются «связанные кредиты», предоставляемые в рамках инициативы «Один пояс, Один путь». Такая схема позволяет одновременно решать несколько задач — стимулировать экспорт избыточных производственных мощностей внутри КНР, закреплять китайские технологические стандарты в регионе и формировать долговую зависимость стран-реципиентов.

Основными финансовыми институтами, задействованными в этих процессах, выступают Экспортно-импортный банк Китая (*Exim Bank of China*), Китайский банк развития (*China Development Bank, CDB*) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (*AIIB*), который позиционируется как многосторонняя структура, но фактически работает в логике китайской внешнеэкономической стратегии.

Характерным примером является строительство угольной электростанции *Java-7* в Индонезии мощностью 2000 МВт. Более 70% стоимости проекта было профинансировано китайскими банками, при этом ключевыми подрядчиками выступили китайские корпорации *China Energy Engineering Group* и *China Shenhua Energy Company*. Помимо предоставления кредитов, китайская сторона обеспечила технологическое и кадровое сопровождение, что минимизировало участие местных компаний и усилило зависимость от внешнего партнера⁸. Аналогичные схемы реализуются и в других странах региона, в частности, в Лаосе и Камбодже. Эти проекты сопровождались ростом долговой нагрузки на национальный бюджет и вызвали критику со стороны международных экологических организаций.

Китайские медиаструктуры *China Global Television Network (CGTN)*, *Xinhua* (Синьхуа) и *Belt and Road News Network (BRNN)* формируют информационное сопровождение инфраструктурных проектов, акцентируя внимание на выгодах для местных сообществ и умалчивая о возможных рисках⁹. Значимым элементом является и образовательное сотрудничество. Китай предоставляет гранты и стипендии для студентов из стран ЮВА, приглашает специалистов на стажировки и обучение в университеты КНР, а также развивает программы совместной подготовки кадров для энергетических и инфраструктурных отраслей. В долгосрочной перспективе это создает слой элит, ориентированных на китайскую модель развития и поддерживающих интересы Пекина.

Тем не менее, подобные стратегии сопровождаются целым рядом рисков. В странах региона нарастает критика так называемой «долговой дипломатии», когда способность государств обслуживать китайские кредиты ставится под сомнение¹⁰. В Лаосе, например, доля китайских инвестиций в энергетике превысила 70%, что фактически сделало страну зависимой от экспорта электроэнергии в КНР. На Филиппинах обсуждался вопрос о рисках передачи контроля над стратегическими активами (например, *National Grid Corporation of the Philippines, NGCP*), где китайская государственная компания *State Grid Corporation of China* владеет 40% акций¹¹.

Франция по масштабам инвестиций в энергетический сектор ЮВА значительно уступает США и Китаю, однако ее влияние носит точечный, нишевой и репутационно значимый характер. В отличие от американской и китайской моделей, французский подход опирается на синергию экономической дипломатии, государственных институтов и ведущих энергетических корпораций. Его отличительная особенность

заключается в акценте на экологическую и климатическую повестку, что позволяет позиционировать Париж как ответственного и долгосрочного партнера.

Ключевыми акторами выступают государственная компания *EDF*, транснациональная корпорация *TotalEnergies*, а также частные группы *Engie* и *Schneider Electric*. Их деятельность координируется и поддерживается Министерством иностранных дел Франции, Министерством экономики и финансов, а также институтами развития — Французским агентством развития (*AFD*) и его дочерней структурой *Proparco*, специализирующейся на финансировании частного сектора в развивающихся странах.

При этом французские проекты в регионе имеют выраженную нишевую направленность. *EDF* участвует в развитии возобновляемой энергетики во Вьетнаме и Таиланде, концентрируясь на солнечных и ветровых станциях. *TotalEnergies*, обладая богатым опытом в нефтегазовом секторе, параллельно инвестирует в проекты по «зеленой» энергетике, включая строительство гибридных энергосистем в Индонезии и на Филиппинах. *Engie* развивает проекты в сфере распределенной генерации и энергоэффективности, а *Schneider Electric* активно продвигает интеллектуальные энергосети и цифровые решения для управления инфраструктурой.

Ключевым направлением остается и сотрудничество в сфере атомной энергетики. В 2025 г. Франция заключила соглашения с Вьетнамом и Сингапуром, предусматривающие обмен технологиями, подготовку специалистов и проведение технико-экономических обоснований по созданию условий для возможного ввода АЭС или малых модульных реакторов¹². Для Парижа эти проекты имеют стратегическое значение, поскольку позволяют закрепить за собой нишу поставщика высокотехнологичных решений на фоне конкуренции с США, Россией и Китаем.

Франция также активно использует свое членство в Европейском союзе и площадки ЕС–АСЕАН. Посредством *Energy Transition Partnership (ETP)* и программы климатического сотрудничества продвигаются проекты по декарбонизации, энергоэффективности и устойчивому развитию. При этом Франция получает возможность действовать не только как отдельная страна, но и как часть более широкой европейской энергетической дипломатии, что усиливает ее позиции в переговорах¹³.

Отличительной чертой французского лоббизма остается ставка на ESG-стандарты (экологические, социальные и управленческие

принципы) и климатическую повестку. Это выгодно отличает ее от США, фокусирующихся на рыночной логике и институциональных реформах, и Китая, делающего ставку на масштабные инфраструктурные кредиты. Париж стремится позиционировать себя как «устойчивый партнер», предлагающий экологически ответственные и социально ориентированные решения.

Важным ресурсом служит и французская «мягкая сила». Сеть культурных центров *Alliance Française*, франкофонные образовательные программы и академические обмены способствуют укреплению гуманитарных связей и созданию благоприятного фона для политического диалога. Вьетнам и Камбоджа, где традиционно сильны франкофонные традиции, становятся особенно восприимчивыми к этому инструменту. В долгосрочной перспективе такие каналы формируют слой лояльных к Франции специалистов и управленцев, создавая дополнительный ресурс влияния.

Французский лоббизм в энергетическом секторе ЮВА строится на комбинации экономико-дипломатических и культурных инструментов. Несмотря на ограниченные финансовые ресурсы по сравнению с США и Китаем, Франция способна занимать стратегические ниши — прежде всего в сфере возобновляемых источников, атомной энергетики и энергоэффективных технологий. Это делает ее влияние менее масштабным, но более устойчивым и репутационно значимым.

Стратегии США, Китая и Франции в сфере лоббистской активности в энергетике ЮВА существенно различаются по инструментарию, масштабу и желаемым долгосрочным результатам.

Во-первых, США выстраивают классическую институционализированную модель, опирающуюся на рыночные реформы, поддержку частного капитала и продвижение ценностной риторики, связанной с транспарентностью и верховенством права. Встраивание в международные и региональные инициативы позволяет США закреплять лидерство в формировании повестки, а через деятельность корпораций — оказывать практическое влияние на развитие энергетического сектора.

Во-вторых, Китай реализует централизованную стратегию, основанную на масштабном финансировании инфраструктуры, предоставлении «связанных кредитов» и тесной связке экономических проектов с внешнеполитическими целями. Такая модель обеспечивает КНР прочные позиции в ряде стран (Лаос, Камбоджа, Мьянма, Индонезия), однако одновременно формирует риски экономической зави-

симости, усиливает дискуссии о «долговой дипломатии» и вызывает критику со стороны экологических НПО и прозападных элит.

В-третьих, Франция концентрируется на нишевых проектах в области возобновляемой энергетики, атомных технологий и энергоэффективности, придавая особое значение ESG-повестке и «зеленой дипломатии». Лоббизм Франции сочетает экономическую дипломатию и «мягкую силу» — культурные центры, образовательные программы, франкофонные сети. Несмотря на ограниченные ресурсы, страна занимает значимые позиции в репутационно чувствительных сегментах, что усиливает его статус «ответственного партнера».

Три различные модели внешнего лоббизма формируют конкурентное поле, в котором государства ЮВА стремятся маневрировать между альтернативными предложениями. Диверсификация партнеров позволяет им не только привлекать ресурсы и технологии, но и усиливать собственные переговорные позиции, минимизируя риски чрезмерной зависимости от одного внешнего актора. В условиях растущего «ресурсного национализма» и давления со стороны гражданского общества именно способность стран региона балансировать между моделями США, Китая и Франции определяет долгосрочную устойчивость их энергетической политики.

Влияние иностранного лоббизма на энергополитику стран Юго-Восточной Азии

Индонезия исторически сохраняла высокий уровень открытости для иностранных инвесторов в нефтегазовой отрасли, однако начиная с конца 2000-х гг. усилился тренд так называемого «ресурсного национализма» — стремления государства укреплять контроль над стратегическими ресурсами и перераспределять ренту в пользу национальных компаний. Поворотным моментом стало принятие Закона о полезных ископаемых и угле в 2009 г., отменившего прежнюю систему соглашений о разделе продукции (*Production Sharing Contracts*) и заменившего ее лицензированием, при котором ключевые права переходят к национальным операторам¹⁴.

Крупные проекты стали рассматриваться исключительно сквозь призму национальных интересов. Так, в рамках разработки газового месторождения Масела (*Abadi LNG*, провинция Малуку) власти настаивали на строительстве наземного завода по производству СПГ, что существенно увеличило капитальные затраты и сократило участие компании *Shell*, первоначально выступавшей одним из ключевых партнеров. Аналогично, после завершения контракта на блоке *Rokan* (Рокан,

Суматра) права компании *Chevron* были переданы государственной корпорации *Pertamina*¹⁵.

При этом администрация Джоко Видодо (2014–2024 гг.) продолжала декларировать приверженность инвестиционной открытости. В частности, были упрощены процедуры лицензирования, а также сокращены сроки административного согласования иностранного участия в энергетических проектах¹⁶. Однако одновременно применяются меры прямого вмешательства: запрет на экспорт сырой руды, установление потолков цен на газ и др. В целом, подход индонезийского государства можно охарактеризовать как стратегическое балансирование между прагматизмом и идеологией энергетического суверенитета.

Во Вьетнаме иностранные компании на протяжении долгого времени сталкивались с монопольным положением государственной корпорации *EVN*, контролировавшей всю цепочку от генерации до распределения. Под давлением международных партнеров и финансовых институтов в 2019 г. был запущен Оптовый рынок электроэнергии (*Vietnam Wholesale Electricity Market, VWEM*), предоставивший независимым производителям доступ к биржевой торговле¹⁷.

В условиях однопартийной политической системы Вьетнама иностранный лоббизм приобретает скрытую и непрямую форму. Вместо публичного давления, иностранные инвесторы задействуют механизмы закрытого консультирования с органами власти, акцентируя внимание на прагматических выгодах сотрудничества. В начале 2010-х гг., на фоне дефицита энергетических мощностей, иностранные производители энергии предлагали свое видение участия в проектах в области электроэнергетики. Несмотря на первоначальные ограничения на 100% иностранное владение активами, под давлением международных ассоциаций и посольств, правительство в 2022 г. приняло поправки, разрешающие полный иностранный контроль над проектами в области возобновляемой энергетики¹⁸.

Тем не менее, ключевая инфраструктура, распределительные сети и розничный сегмент, осталась под полным контролем *EVN* и ее дочерних компаний, а независимый регулятор так и не был создан. В результате рынок приобрел форму «квазимонополии», при которой иностранные инвесторы обладают лишь ограниченными возможностями.

При этом ярким индикатором влияния внешнего лоббизма стал отказ правительства в 2016 г. от программы строительства атомных электростанций при участии России и Японии. Формальным обосно-

ванием стали экономические соображения и рост долговой нагрузки, однако эксперты указывают на влияние внешнеполитических факторов — в том числе давления со стороны США и внутреннего лобби угольной и газовой генерации¹⁹. Данный случай демонстрирует, что в чувствительных секторах (атомная энергетика, критическая инфраструктура) иностранное влияние ограничивается приоритетами национальной безопасности.

Таиланд сочетает высокую открытость к иностранным инвестициям в возобновляемую энергетику с жестким протекционизмом в нефтегазовой сфере. Наиболее показательным кейсом стал пересмотр условий разработки шельфовых месторождений *Erawan* (Эраван) и *Bongkot* (Бонгкот). В 2018 г. вместо продления концессий компании Chevron, права на эксплуатацию были переданы государственной корпорации *PTT Exploration and Production (PTTEP)* несмотря на то, что коммерческие предложения национального оператора уступали иностранному конкуренту²⁰.

В то же время в секторе солнечной энергетики и других ВИЭ активно действуют японские и европейские компании. Их методика лоббизма оказалась успешной в вопросах снижения импортных пошлин на солнечные панели и оборудование²¹.

Однако правительство параллельно ввело требования по локализации производства, что позволило ограничить зависимость от иностранных поставок и стимулировать развитие национальной промышленности. Можно говорить о характерной для Таиланда модели «селективного доступа», при которой иностранные компании допускаются в новые или второстепенные сегменты, но контроль над стратегическими ресурсами сохраняется за государством.

Филиппины демонстрируют особую чувствительность энергетической политики к изменениям политической конъюнктуры и смене элит. При президенте Родриго Дутерте (2016–2022 гг.) страна пошла на сближение с Китаем, что выразилось в заключении соглашений о совместной разработке ресурсов в Южно-Китайском море, а также в передаче контроля над стратегическими активами бизнес-группам, близким к администрации. Показательным стал проект газового месторождения *Malampaya* (Малампая), где права на разработку перешли к консорциуму, аффилированному с политическими союзниками Дутерте, Деннису Ую, что вызвало общественную обеспокоенность по поводу усиления китайского влияния²².

После прихода к власти Фердинанда Маркоса-младшего (2022 г.) курс изменился в сторону США. Правительство инициирова-

ло пересмотр сделок с китайскими корпорациями, усилило контроль над компанией *NGCP (National Grid Corporation of the Philippines)*, где 40% акций принадлежат китайской *State Grid Corporation of China*, и сняло ограничения на иностранное владение объектами возобновляемой энергетики²³. Это открыло новые возможности для американских и европейских инвесторов.

Эффективность иностранного лоббизма на Филиппинах в значительной степени определяется политической конъюнктурой: при смене администрации приоритеты внешнеэкономической политики корректируются, а лоббистские возможности тех или иных акторов напрямую зависят от их близости к правящей элите.

Энергетическая политика Камбоджи в последние два десятилетия формировалась под значительным влиянием Китая, который стал главным инвестором в гидро- и угольную энергетику страны. Через государственные корпорации *China Huadian Corporation*, *China Datang* и *China Southern Power Grid* Китай профинансировал строительство ряда крупных объектов, включая гидроэлектростанции на реках Сэсан, Камчай и Татай. Финансирование реализуется преимущественно через Экспортно-импортный банк Китая и Китайский банк развития, а структура контрактов предполагает долгосрочные концессии по модели «строить–владеть–эксплуатировать» (*Build–Own–Operate, BOO*). Это означает, что на протяжении 20–30 лет объекты остаются под управлением китайских операторов, а доходы выводятся за пределы страны. Подобный механизм позволяет Китаю закреплять долговую и инфраструктурную зависимость Камбоджи.

Важным направлением китайского лоббизма в Камбодже стало продвижение угольных энергетических проектов, сосредоточенных преимущественно в прибрежных провинциях Преах Сианук и Кох Конг. Именно здесь в 2010-е гг. при поддержке китайских корпораций были инициированы масштабные проекты по строительству угольных электростанций, ориентированных на обеспечение растущих потребностей страны в электроэнергии и параллельно — на экспортную генерацию²⁴.

Однако данные инициативы вызвали серьезную критику со стороны экологических организаций и местных сообществ. Основные претензии касались высокого уровня выбросов, деградации прибрежных экосистем и угрозы для рыболовного промысла, являющегося важным источником дохода для местного населения. В докладах международных НПО отмечалось, что реализация угольных проектов про-

тиворечит заявленным целям Камбоджи по «зеленому росту» и усиливает ее зависимость от внешних кредиторов²⁵.

Несмотря на общественное недовольство, проекты получили политическую поддержку со стороны премьер-министра Хун Сена и его ближайшего окружения, что обеспечило китайским компаниям благоприятные условия для реализации контрактов.

Однако к середине 2020-х гг. правительство Камбоджи начало корректировать свой энергетический курс. В ноябре 2023 г. было официально объявлено об отказе от строительства угольной электростанции в Кох Конге стоимостью 1,5 млрд долл. и мощностью 700 МВт, и о планах заменить ее газовой станцией мощностью 800 МВт с сопутствующим терминалом СПГ. Министр энергетики Кео Роттанак отметил, что решение принято в рамках перехода к «чистым источникам» и повышения доли «зеленой» генерации до 70% к 2030 г., а также стало политическим сигналом накануне конференции COP28. Таким образом, хотя китайские корпорации сохраняют доминирующее положение в энергетике Камбоджи, наметился тренд диверсификации топливного баланса и адаптации к международной климатической повестке²⁶.

Присутствие других иностранных игроков крайне ограничено. В начале 2000-х гг. на камбоджийский рынок пыталась выйти малайзийская компания Petronas, однако после закрытия своей сети автозаправочных станций в 2010 г. она временно ушла из страны²⁷. Лишь в 2025 г. дипломатические заявления посла Малайзии подтвердили возобновление интереса Petronas к энергетическим проектам, однако их масштабы несопоставимы с китайскими инвестициями. Таким образом, Камбоджа фактически превратилась в поле одностороннего лоббистского влияния Китая, что ограничивает ее энергетический суверенитет²⁸.

Лаос стал одним из наиболее ярких примеров реализации китайской модели инфраструктурного лоббизма. С 2000-х гг. Пекин инвестировал миллиарды долларов в строительство каскадов гидроэлектростанций на реке Меконг и ее притоках. Крупнейший проект каскад *Nam Ou*, реализуемый корпорацией *China Power Investment Corporation* (ныне *State Power Investment Corporation*), стоимостью около 2,8 млрд долл. Контракт заключен по схеме концессии на 29 лет, после чего объекты должны перейти под управление правительства Лаоса²⁹. В результате Китай получил фактический контроль над большей частью гидроэнергетической генерации Лаоса. Уже к 2023 г. свыше 70 % всей электроэнергии страны. Китайский лоббизм в Лаосе

осуществляется не только через инфраструктурные проекты, но и через политическую поддержку правящей элиты. Контракты согласовываются напрямую с правительством и Политбюро правящей Народно-революционной партии, а участие других иностранных игроков фактически блокируется отсутствием прозрачных тендеров.

При этом Лаос демонстрирует ограниченную диверсификацию партнеров. Япония и Южная Корея пытались войти в энергетический сектор страны через финансирование малых ВИЭ-проектов, однако их масштаб остается незначительным. В отличие от Камбоджи, здесь нет заметного участия Petronas или европейских корпораций. Лаос стал наиболее зависимым государством региона от китайского энергетического лоббизма. Несмотря на экономические выгоды в виде экспорта электроэнергии и налоговых поступлений, подобная модель ограничивает возможности страны для самостоятельного выбора энергетической стратегии и усиливает ее внешнеполитическую зависимость от Китая.

Анализ лоббистской активности США, Китая и Франции в энергетическом секторе Юго-Восточной Азии позволяет выделить несколько закономерностей, определяющих их влияние и эффективность.

Во-первых, институциональная среда стран региона задает рамки для любого внешнего лоббизма. Там, где власть сосредоточена в руках узкой элиты (Лаос, Мьянма, Вьетнам), успешными оказываются модели, основанные на межгосударственных договоренностях и личных связях. В более плюралистичных системах (Индонезия, Филиппины, Таиланд) востребованы как формальные, так и неформальные каналы — от бизнес-ассоциаций до финансирования электоральных кампаний.

Во-вторых, подходы внешних акторов различаются принципиально:

- США делают ставку на институционализацию и “экспорт” норм — через торговые рамочные соглашения, инициативы USAID/DFC, работу AmCham и аналитических центров. Их эффективность высока в сегментах либерализации и ВИЭ, но ограничена в стратегических секторах (атомная энергетика, углеводородный сегмент).
- Китай действует через связанные кредиты и инфраструктурную экспансию, совмещая инвестиции с долговыми обязательствами и технологическим контролем. Эта модель особенно

результативна в странах с низкой прозрачностью, но порождает критику «долговой дипломатии» и экологические риски.

- Франция опирается на ESG-повестку, дипломатическую поддержку и культурную “мягкую силу”. Масштабы ее проектов уступают американским и китайским, но в нишевых сегментах (атомная энергетика, оффшорная ветроэнергетика, высокотехнологические сети) французское присутствие оказывается диспропорционально заметным.

В-третьих, национальные правительства ЮВА все чаще комбинируют открытость с протекционизмом. Индонезия и Таиланд усиливают роль национальных компаний (*Pertamina*, *PTTEP*), даже если это снижает привлекательность для инвесторов. Вьетнам допускает либерализацию лишь частично, сохраняя монополию EVN. Филиппины же демонстрируют крайнюю зависимость от смены элит, что делает лоббизм здесь особенно подверженным политическим колебаниям.

В-четвертых, ключевым ограничителем внешнего влияния стало гражданское общество и экологические движения. Отмена ряда угольных проектов в Индонезии и на Филиппинах, а также моратории на новые угольные станции показывают, что даже при поддержке элит иностранные корпорации не могут игнорировать общественное давление и международную климатическую повестку.

Наконец, сравнительный анализ показывает, что эффективность иностранного лоббизма определяется не только объемом инвестиций и масштабом проектов, но и степенью интеграции во внутренние политико-экономические структуры. Там, где иностранным акторам удастся встроиться в национальные стратегии, через партнерство с государственными корпорациями, участие в экспертных органах и коалициях, поддержку социальных программ, лоббизм трансформируется из внешнего давления в элемент внутренней политики. В остальных случаях он сталкивается с ограничениями — институциональными, политическими или общественными.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ГРИГОРЬЯН Гайк Валерьевич, аспирант, Центр проблем развития и модернизации, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hayk V. GRIGORYAN, PhD Student, Center for Development and Modernization Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS), Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 21.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.10.2025;
принята к публикации 30.10.2025.

The article was submitted 21.09.2025;
approved 15.10.2025;
accepted to publication 30.10.2025.

¹ International Energy Agency. *3 New IEA Reports Provide Fresh Insights into Southeast Asia's Energy Future*. IEA, 15 May 2019. URL: <http://www.iea.org/news/3-new-iea-reports-provide-fresh-insights-into-southeast-asias-energy-future>

² "Indonesian Petroleum Association in Climate Change." *LobbyMap*, InfluenceMap. URL: <https://lobbymap.org/influencer/Indonesian-Petroleum-Association-f80a318db8135ed8632452fe41c08008/projectlink/Indonesian-Petroleum-Association-in-Climate-Change-124939f19d74710e59e417b8da2a2e69>.

³ Sands, Gary. "Will China Scuttle ExxonMobil's South China Sea Gas Project With Vietnam?" *The Diplomat*, 16 Nov. 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/will-china-scuttle-exxonmobils-south-china-sea-gas-project-with-vietnam/>

⁴ Project 34468: Myanmar-China Oil and Gas Pipelines." *China.AidData.org*, AidData, URL: <https://china.aiddata.org/projects/34468/>

⁵ Anugrah I. Land Control, Coal Resource Exploitation and Democratic Decline in Indonesia. *TRaNS: Trans -Regional and -National Studies of Southeast Asia*. 2023;11(2):195-213. doi:10.1017/trn.2023.4

⁶ Gokkon, Basten. "Indonesia Electricity Chief Charged with Bribery over Coal-Fired Power Plant." *Mongabay*, 25 Apr. 2019. URL: <https://news.mongabay.com/2019/04/indonesia-electricity-chief-charged-with-bribery-over-coal-fired-power-plant/>

⁷ Pilipinas Shell Foundation. "PSFI's Shell LiveWIRE and Movement Against Malaria among the Top Outstanding CSR Projects in 2024 LCF Guild Awards." *Pilipinas Shell Foundation*, 26 Jan. 2024. URL: <https://pilipinasshellfoundation.org/psfis-shell-livewire-and-movement-against-malaria-among-the-top-outstanding-csr-projects-in-2024-lcf-guild-awards/>

⁸ CDB Provides \$1.319 Billion Loan for 2100MW Java-7 Coal-Fired Power Plant Construction Project." *AidData*. URL: <https://china.aiddata.org/projects/62069/>

⁹ Sacks, David et al. *Weaponizing the Belt and Road Initiative: China's Coercive Economic and Media Policies*. Asia Society, Sept. 2020. URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/2020-09/Weaponizing%20the%20Belt%20and%20Road%20Initiative_0.pdf

¹⁰ ASEAN finance leaders end meetings in Laos... AP News, 5 Apr. 2024. URL: <https://apnews.com/article/2458b3135942e0ae95b04f1b95afb056>. Accessed 23 Aug. 2025

¹¹ "Philippines wealth fund buys into China-backed national grid operator." Reuters, 27 Jan. 2025. URL: <https://www.reuters.com/markets/asia/philippines-wealth-fund-buys-into-china-backed-national-grid-operator-2025-01-27/>

¹² Lin, Bo-yu. "France Expands Nuclear and Green Energy Cooperation in Southeast Asia." *Recessary*, 2 June 2025. URL: <http://www.recessary.com/en/news/france-expands-nuclear-and-green-energy-cooperation-in-southeast-asia>

¹³ "États et philanthropes unissent leur force pour lancer le Partenariat pour la transition énergétique en Asie du Sud-Est (ETP)." *Eco-Business.com*, 30 Nov. 2020. URL: <http://www.eco-business.com/press-releases/nations-and-philanthropies-unite-to-launch-the-southeast-asia-energy-transition-partnership/>

¹⁴ Indonesia. Law No. 4/2009 on Mineral and Coal Mining. ECOLEX Legal Database. URL: <https://www.ecolex.org/details/legislation/law-no-42009-on-mineral-and-coal-mining-lex-faoc085947>

¹⁵ Indonesia presses Shell to expedite Masela project exit // MarketScreener. Published 30 May 2023. URL: <https://www.marketscreener.com/quote/stock/SHELL-PLC-130945922/news/Indonesia-presses-Shell-to-expedite-Masela-project-exit-43988064/>

¹⁶ Suroso J. T., Durahman D., Budi I. The simplification of licensing procedure in job creation law: the effectiveness to attract foreign investor // *Cogent Social Sciences*. – 2024. – T. 10, № 1. – DOI: 10.1080/23311886.2024.2414509. – License: CC BY 4.0.

¹⁷ "Vietnam Plans to Open Its Domestic Wholesale Power Market in 2019." *Enerdata*, 13 Nov. 2018. URL: <http://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/vietnam-plans-open-its-domestic-wholesale-power-market-2019.html>

- ¹⁸ Vietnam's Power Move: Policies Fuel a Green Energy Revolution // *EOS Intelligence Perspectives* (раздел «Energy & Resources»). – 2025. – 15 мая 2025. – URL: <https://www.eos-intelligence.com/perspectives/energy-resources/vietnams-power-move-policies-fuel-a-green-energy-revolution>
- ¹⁹ In Vietnam, climate arrests spark calls to halt energy transition deal // *Reuters*, 20 Oct. 2023. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/cop/vietnam-climate-arrests-spark-calls-halt-energy-transition-deal-2023-10-20/>
- ²⁰ PTTEP wins Erawan, Bongkot petroleum blocks in Gulf of Thailand // *Reuters*, 13 Dec. 2018. URL: <https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/projects/thailand-players-get-ready-second-round-of-renewable-energy-auctions-set-to-launch-in-thailand-for-those-who-missed-out-in-the-previous-round>
- ²¹ Thailand: Players get ready — Second round of renewable energy auctions set to launch in Thailand // *Baker McKenzie Insight Plus*, 17 Mar. 2023. URL: <https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/projects/thailand-players-get-ready-second-round-of-renewable-energy-auctions-set-to-launch-in-thailand-for-those-who-missed-out-in-the-previous-round>
- ²² Udenna Corp, controlled by Duterte ally Dennis Uy, acquired Chevron's 45 % stake in Malampaya // *South China Morning Post*, 20 Oct. 2021. URL: <https://www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/3152931/philippines-denies-gas-deal-involving-rodrigo-duterte-ally>
- ²³ Philippines eyes constitutional amendments to ease economic restrictions // *Reuters*, 11 Dec. 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/philippines-eyes-constitutional-amendments-ease-economic-restrictions-2023-12-11>
- ²⁴ "Could China's coal call clean Cambodia?" *Phnom Penh Post*, 27 Sept. 2021, URL: <http://www.phnompenhpost.com/opinion/could-chinas-coal-call-clean-cambodia>
- ²⁵ Keeton-Olsen, Danielle. "Coal-powered developments threaten Cambodia's largest national park." *Dialogue Earth*, 1 June 2021. URL: <http://dialogue.earth/en/forests/coal-powered-developments-threaten-botum-sakor-national-park>
- ²⁶ Varadhan, Sudarshan. "Cambodia scraps coal power project to build gas-fired plant, import LNG." *Reuters*, 29 Nov. 2023. URL: <http://www.reuters.com/business/energy/cambodia-scraps-coal-power-project-build-gas-fired-plant-import-lng-2023-11-29>
- ²⁷ "Petronas Still Eyeing Cambodia." *Open Development Cambodia*. URL: <http://opendevdevelopmentcambodia.net/news/petronas-still-eyeing-cambodia/>
- ²⁸ "PETRONAS, Southeast Asian Energy Players Call for Progressive Approach to Methane Emissions Reduction." *PETRONAS Global*, 21 Nov. 2024. URL: <https://www.petronas.com/bm/node/1567> ; ASEAN Centre for Energy Joins Southeast Asian Energy Players Call for Progressive Approach to Methane Emissions Reduction as Part of a Just Energy Transition." *ASEAN Centre for Energy*, 21 Nov. 2024, URL: <https://aseanenergy.org/post/asean-centre-for-energy-joins-southeast-asian-energy-players-call-for-progressive-approach-to-methane-emissions-reduction-as-part-of-a-just-energy-transition/>
- ²⁹ "Nam Ou River Cascade Hydropower Project." *PowerConstruction Corporation of China (PowerChina)*, 24 Oct. 2023. URL: http://en.powerchina.cn/2023-10/24/c_828566.htm